

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР ЯРОСЛАВИЧ НЕВСКИЙ

XIII век был периодом самого ужасного потрясения для Руси. С востока на нее нахлынули монголы с бесчисленными полчищами покоренных татарских племен, разорили, обезлюдили большую часть Руси и поработили остаток народонаселения; с северо-запада угрожало ей немецкое племя под знаменем западного католичества. Задачей политического деятеля того времени было поставить Русь по возможности в такие отношения к разным врагам, при которых она могла удержать свое существование. Человек, который принял на себя эту задачу и положил твердое основание на будущие времена дальнейшему исполнению этой задачи, по справедливости может назваться истинным представителем своего века.

Таким является в русской истории князь Александр Ярославич Невский.

Отрочество и юность его большею частью протекали в Новгороде. Отец его Ярослав [1] всю жизнь то ссорился с новгородцами, то опять ладил с ними. Несколько раз новгородцы прогоняли его за крутой нрав и насилие и несколько раз приглашали снова, как бы не в состоянии обойтись без него. Князь Александр уже в молодых годах подвергался тому же вместе с отцом. В 1228 году, оставленный со своим братом Федором [2], с двумя княжескими мужами в Новгороде, он должен был бежать, не выдержав поднявшегося в то время междоусобия — явления обычного в вольном Новгороде. В 1230 году юноша снова вернулся в Новгород с отцом и с тех пор, как кажется, долго не покидал Новгорода. С 1236 года начинается его самобытная деятельность. Отец его Ярослав уехал в Киев; Александр посажен был князем в Великом Новгороде. Через два года (1238)

Новгород праздновал свадьбу своего молодого князя: он женился на Александре, дочери Брючислава полоцкого, как кажется, последнего из Рогволодовичей [3], скоро замененных в Полоцке литовскими князьками. Венчание происходило в Торопце. Князь отпраздновал два свадебных пира, называемых тогда «кашею»: один в Торопце, другой в Новгороде, как бы для того, чтобы сделать новгородцев участниками своего семейного торжества. Молодой князь был высок ростом, красив собою, а голос его, по выражению современника, «гремел перед народом, как труба». Вскоре важный подвиг предстоял ему.

Вражда немецкого племени со славянским принадлежит к таким всемирным историческим явлениям, которых начало недоступно исследованию, потому что оно скрывается во мраке доисторических времен. При всей скудости сведений наших, мы не раз видим в отдаленной древности признаки давления немецкого племени над славянским. Уже с IX века в истории открывается непрерывное многовековое преследование славянских племен; немцы поработали их, теснили к востоку и сами двигались за ними, поработая их снова. Просторный прибалтийский край, некогда населенный многочисленными славянскими племенами, подпал насильственному немецкому игу, для того чтобы потерять до последних следов свою народность. За прибалтийскими славянами к востоку жили литовские и чудские племена, отделявшие первых от их русских соплеменников. К этим племенам в конце XII и начале XIII века проникли немцы в образе воинственной общины под знаменем религии, и, таким образом, стремление немцев к поработлению чужих племен соединилось с распростране-

Невская битва.
Худ. А. Д. Кившенко

нием христианской веры между язычниками и с подчинением их папскому престолу. Эта воинственная община была рыцарским орденом крестоносцев, разделившимся на две ветви: орден Тевтонский, или Святой Марии, и позже его основанный в 1202 году орден Меченосцев, предназначенный для поселения в чудских и лютских краях, соседних с Русью. Оба эти ордена впоследствии соединились для совокупных действий [4].

Полоцкий князь Владимир, по своей простоте и недалекости, сам уступил пришельцам Ливонию [5] (нынешние прибалтийские губернии) и этим поступком навел на северную Русь продолжительную борьбу с исконными врагами славянского племени.

Властолюбивые замыслы немцев после уступки им Ливонии обратились на северную Русь. Возникла мысль, что призыванием ливонских крестоносцев было не только крестить язычников, но и обратиться к истинной вере русских. Русские представлялись на западе врагами Святого отца и римско-католической церкви, даже самого христианства.

Борьба Новгорода с немцами была неизбежна. Новгородцы еще прежде владели значительным пространством земель, населенных чудью, и постоянно двигаясь на запад, стремились к подчинению чудских племен. Вместе с тем, они распространяли между последними православие более мирным, хотя и более медленным путем, чем западные рыцари. Как только немцы утвердились в Ливонии, тотчас начались нескончаемые и непрерывные столкновения и войны с Новгородом; и так шло до самой войны Александра. Новгородцы подавали помощь язычникам, не хотевшим креститься от немцев, и потому-то в глазах западного христианства сами представлялись поборниками язычников и врагами Христовой веры. Такие же столкновения явились у новгородцев с католической Швецией по поводу Финляндии, куда с одной стороны проникали новгородцы с православным крещением, а с другой — шведы с западным католичеством; спор между обеими сторонами был также и за земное обладание финляндской страной.

Папа, покровительствуя ордену, возбуждал как немцев, так и шведов к такому же покорению северной Руси, каким уже было покорение Ливонии и Финляндии. В завоеванной Ливонии немцы насильно обращали к христианству язычников; точно так же приневоливали они принимать католичество крещенных в православную веру туземцев; этого мало: они насильовали совесть и тех коренных русских поселенцев, которых отцы еще прежде прибытия рыцарей водворились в Ливонии.

Силы ордена Меченосцев увеличились от соединения с Тевтонским орденом. Между тем рыцари, по решению папы, должны были уступить датчанам часть Ливонии (Гаррию и Вирландию), а папа предоставил им вознаградить себя за это покорением русских земель. Вследствие этого, по призыву дерптского епископа Германа, рыцари и с ними толпа немецких охотников бросились на Псков. Один из русских князей Ярослав Владимирович вел врагов на своих соотечественников. В 1240 году немцы овладели Псковом: между псковитянами нашлись изменники; один из них, Твердила Иванкович, стал управлять городом от немецкой руки.

Между тем на Новгород ополчились шведы. Папская булла [6] поручала шведам начать поход на Новгород, на мятежников, непокорных власти наместника Христова, на союзников язычества и врагов христианства. В Швеции, вместо больного короля, управлял тогда зять его Биргер. Этот правитель Биргер сам взял начальство над священным ополчением против русских. В войске его были шведы, норвежцы, финны и много духовных особ с их вассалами. Биргер прислал в Новгород к князю Александру объявление войны надменное и грозное: «Если можешь, сопротивляйся, знай, что я уже здесь и пленю землю твою».

У новгородцев война также приняла религиозный характер. Дело шло о защите православия, на которое разом посягали враги, возбужденные благословением папы. Александр Ярославич помолился у Святой Софии и выступил с новгородскою ратью к устью Волхова. К нему пристали ладожане, подручники Великого Новгорода. Шведы вошли в Неву и бросили якорь в устье Ижоры. Вероятно, это был роздых: они намеревались плыть через озеро и достигнуть Ладоги врасплох; прежде всего следовало взять этот новгородский пригород, а потом вступить в Волхов и идти на Великий Новгород. В Новгороде уже знали о них*. Александр не медлил и, предупредивши их, приблизился к Ижоре в воскре-

Видение Пелгусия.

Худ. Ф. А. Моллер.

Роспись Большого Кремлевского дворца

сенье 15 июля (1240). Шведы не ждали неприятелей и расположились спокойно: их шнеки [7] стояли у берега; раскинуты были на побережье шатры их. Часов в 11 утра новгородцы внезапно появились перед шведским лагерем, бросились на неприятелей и начали их рубить топорами и мечами, прежде

* У новгородцев был обычай ставить стражу при впадении Невы в море. Начальство над этой стражей было тогда поручено какому-то крещеному вожатину (принадлежавшему к води, народу чудского или финского племени, населявшему нынешнюю Петербургскую губернию) Пельгусию, получившему в крещении имя Филиппа. Пельгусий был очень благочестив и богоугоден, соблюдал посты и потому сделался способным видеть видения. Когда шведы явились, он пошел к Александру известить о их прибытии и рассказал ему, как стали шведы. «Мне было видение, — сказал он, — когда я еще стоял на краю моря; только что стало восходить солнце, услышал я шум страшный по морю и увидел один насад [8]; посреди насада стояли

Князь Александр Невский в битве на Чудском озере. Миниатюра из «Лицевого летописного свода» XVI в.

чем те успевали брать оружие. Немало было молодых, которые отличились здесь своею богатырскою удаляю; между ними новгородец Савва бросился на шатер Биргера, что красовался посреди лагеря своим золотым верхом. Савва подсек столб у шатра. Новгородцы очень обрадовались, когда увидели, как упал этот шатер золотоверхий. Сам Александр нагнал Биргера и хватил его острым копьем по лицу. «Возложил ему печать на лицо», — говорит повествователь. У шведов было много убитых и раненых. Схоронили они наскоро часть убитых на месте, свалили остальных на свои шнеки, чтобы похоронить в отечестве, и в ночь до света все уплыли вниз по Неве в море.

Велико было торжество новгородцев. Но вскоре не поладил с ними Александр и ушел в Переяславль.

Святые братья Борис и Глеб; одежда на них была вся красная, а руки держали они на плечах; на краю их ладьи сидели гребцы и работали веслами, их одевала мгла, и нельзя было различить лика их, но я услышал, как сказал Борис мученик брату своему Святому Глебу: „Брате Глебе! Вели грести, да поможем мы сроднику своему, великому князю Александру Ярославичу!“ И я слышал глас Бориса и Глеба; и мне стало страшно, так что я трепетал; и насад отошел из глаз у меня». — «Не говори же этого никому другому», — сказал ему Александр. Такое благочестивое предание осталось об этом событии.

А тем временем на Новгород шли другие такие же враги. Немцы, завоевавши Псков, заранее считали уже своим приобретенным достоянием воевод, ижору [9], берега Невы, Карелию (края нынешней Петербургской, отчасти Олонецкой губернии); они отдавали страны эти католичеству, и папа присудил их церковному ведомству эзельского епископа. 13 апреля 1241 года эзельский епископ по имени Генрих заключил с рыцарями договор: себе брал десятину от десятины со всех произведений, а им отдавал все прочее, рыбные ловли, управления и все вообще мирские доходы с будущих владений.

Немцы и покоренные ими латыши и эсты бросились на новгородские земли, предавали их опустошению, взяли пригород Лугу, Тесово, построили укрепление в погосте Копорье. Вожане поневоле приставали к ним; те, которые не хотели, разбежались в леса и умирали с голода. Неприятельские шайки металась в разные стороны, достигали 30 верст от Новгорода и убивали новгородских гостей, ездивших за товарами. В таких обстоятельствах новгородцы послали к Ярославу просить князя. Ярослав прислал им сына Андрея [10]. Немцы причиняли им все более и более зла: у поселян по Луге отобрали всех коней и скот, и не на чем было пахать поселянам. Новгородцы рассудили, что один Александр может их выручить, и отправили к нему владыку Спиридона. Дело касалось не одного Новгорода, а всей Руси, — Александр не противился.

Немедленно отправился он с новгородцами очищать новгородскую землю от врагов, разогнал их отряды, взял Копорье, милостиво обращаясь с пленниками, перевешал, однако, изменивших Новгороду вожан и чуд. Затем он достиг Пскова, освободил его от немцев, отправил в окопах в Новгород двух немецких наместников Пскова.

Оставаясь во Пскове, Александр ждал против себя новой неприятельской силы и вскоре услышал, что она идет на него. В первых числах апреля 1242 года Александр двинулся навстречу врагам, и у скалы, называемой Вороний камень, на Узмени, произошла другая битва, не менее знаменитая Невской, известная в истории под названием «Ледовое побоище». Враги встретились в субботу 5 апреля при солнечном восходе. Увидя приближающихся врагов, Александр поднял руки вверх и громко сказал: «Рассуди, Боже, спор мой с этим высокомерным народом!» Битва была упорная и жестокая. С треском ломались копья. Лед побагровел от крови и трескался местами. Многие потонули. Потерявшие строй немцы бежали; русские

Александр Невский (фрагмент триптиха).
Худ. П. Д. Корин

с торжеством гнались за ними 7 верст до Суболичского берега.

С торжеством возвращался Александр в освобожденный Псков. Близ коня его вели знатных рыцарей, за ним гнали толпу простых пленных. Навстречу ему вышло духовенство. Народ приветствовал победителя радостными кликами.

Эти две победы имеют важное значение в русской истории. Правда, проявления вражды немцев с русскими не прекращались и после того, в особенности для Пскова, который не раз вступал с орденом в кровавые столкновения, но уже мысль о покорении северных русских земель, о порабощении их наравне с Ливонией, которое подвергло бы их участи прибалтийских славян, — навсегда оставила немцев. Сами папы вместо грозных булл, возбуждавших крестовые походы на русских наравне с язычниками, избрали другой путь в надежде подчинить себе Русь — путь посольств и убеждений, оказавшийся, как известно, столько же бесплодным, как и прежние воинственные буллы.

Таким образом, папа Иннокентий IV прислал к Александру в 1251 году (булла писана в 1248 году) двух кардиналов — Гальда и Гемонта. Папа уверял Александра, будто отец Александра изъявлял обеща-

ние монаху Плано Карпини [11] подчиниться римскому престолу, но смерть не допустила его до исполнения этого намерения. Папа убеждал Александра идти по следам отца, представлял выгоды, какие русский князь и Русь получают от этого подчинения, и обещал против татар помощь тех самых рыцарей, от которых недавно Александр освобождал русские земли. В летописях есть ответ Александра папе, явно сочиненный впоследствии, но не подлежит сомнению, что Александр не поддавался увещаниям и отказал наотрез. Посольство это повлекло за собою в последующей русской истории множество подобных посольств, также бесполезных.

Александр мог оружием переведаться с западными врагами и остановить их покушения овладеть северною Русью, но не мог он с теми же средствами действовать против восточных врагов. Западные враги только намеревались покорить северную Русь, а восточные уже успели покорить прочие русские земли, опустошить и обезлюдить их. При малочисленности, нищете и разрозненности остатков тогдашнего русского населения в восточных землях нельзя было и думать о том, чтобы выбиться оружием из-под власти монголов. Надобно было избрать другие пути. Руси предстояла другая историческая дорога,

Александр Невский и папские легаты.

Худ. Ф. А. Моллер.

Роспись Большого Кремлевского дворца

для русских политических людей — другие идеалы. Оставалось отдаться на великодушие победителей, кланяться им, признать себя их рабами и тем самым как для себя, так и для своих потомков усвоить рабские свойства. Это было тем легче, что монголы, безжалостно истреблявшие все, что им сопротивлялось, были довольно великодушны и снисходительны к покорным. Александр, как передовой человек своего века, понял этот путь и вступил на него. Еще отец его Ярослав отправился в Орду, но не воротился оттуда. Его путешествие не могло служить образцом,

потому что не могло назваться счастливым; говорили даже, что его отравили в Орде. Александр совершил свое путешествие с таким успехом, что оно послужило образцом и примером для поведения князей.

Наши летописцы говорят, что Батый сам приказал Александру в качестве князя новгородского явиться к себе и дал приказ в таких выражениях: «Мне покорила Бог многие народы: ты ли один не хочешь покориться державе моей? Но если хочешь сохранить за собою землю свою, приходи ко мне: увидишь честь и славу царства моего». Александр приехал в Волжскую Орду [12] вместе с братом Андреем в 1247 году. Тогда, по смерти Ярослава, достоинство старейшего князя оставалось незанятым, и от воли победителей зависело дать его тому или другому.

Монголы жили тогда еще совершенно кочевой жизнью, хотя и окружали себя роскошью цивилизации тех стран, которые они покорили [13] и опустошили. Еще постоянных городов у них на Волге не было; зато были, так сказать, подвижные огромные города, состоявшие из разбитых по прихоти властелина кибиток, перевозимых на телегах с места на место. Где пожелает хан, там устраивался и существовал более или менее долгое время многолюдный кочевой город. Являлись ремесла и торговля; потом — по приказанию хана — все укладывалось, и огромный обоз в несколько сот и тысяч телег, запряженных волами и лошадьми, со стадами овец, скота, с табунами лошадей двигался, для того чтобы через несколько дней пути опять расположиться станом. В такой стан прибыли наши князья. Их заставили, по обычаю, пройти между двумя огнями для очищения от зловредных чар, которые могли пристать к хану. Выдержавши это очищение, они допускались к хану, перед которым они должны были явиться с обычными земными поклонами. Хан принимал завоеванных подручников в разрисованной войлочной палатке, на вызолоченном возвышении, похожем на постель, с одною из своих жен, окруженный своими братьями, сыновьями и сановниками; по правую руку его сидели мужчины, по левую — женщины. Батый принял наших князей ласково и сразу понял, что Александр, о котором уже он много слышал, выходит по уму своему из ряда прочих русских князей.

По воле Батыев Ярославичи должны были отправиться в Большую Орду [14] к великому хану. Путь нашим князьям лежал через необозримые степные пространства Средней Азии. Ханские чиновники сопровождали их и доставляли переменных лошадей. Они видели недавно разоренные города и остатки цивилизации народов, поработанных варварами. До монгольского погрома многие из этих стран находились в цветущем состоянии, а теперь были в развалинах и покрыты горами костей. Поработанные остатки народонаселения должны были служить завоева-

телям. Везде была крайняя нищета, и нашим князьям не раз приходилось переносить голод, немало терпели они там от холода и жажды. Только немногие города, и в том числе Ташкент, уцелели [15]. У самого великого хана была столица Кара-Корум — город многолюдный, обнесенный глиняной стеной с четырьмя воротами. В нем были большие здания для ханских чиновников и храмы разных вероисповеданий. Тут толпились пришельцы всевозможных наций, покоренных монголами; были и европейцы: французы и немцы, приходившие сюда с европейским знанием ремесел и художеств, — самая пестрая смесь племен и языков. За городом находился обширный и богатый ханский дворец, где хан зимою и летом на торжественные празднества являлся как божество, сидя с одною из своих жен на возвышении, украшенном массою золота и серебра. Но оседлое житье в одном месте было не во вкусе монголов. Являясь только по временам в столицу, великий хан, как и волжские ханы, проводил жизнь, переезжая с места на место с огромным обозом: там, где ему нравилось, располагались станом, раскидывались бесчисленные палатки, и одна из них, обитая внутри листовым золотом и украшенная драгоценностями, отнятыми у побежденных народов, служила местопребыванием владельца. Возникал многолюдный город и исчезал, появляясь снова в ином месте. Все носило вид крайнего варварства, смешанного с нелепой пышностью. Безобразные и нечистоплотные монголы, считавшие опрятность даже пороком, питавшиеся такой грязной пищей, которой одно описание возбуждает омерзение, безвкусно украшали себя несметными богатствами и считали себя по воле Бога обладателями всей вселенной.

Нам неизвестно, где именно Ярославичи поклонились великому хану, но они были приняты ласково и возвратились благополучно домой. Андрей получил княжение во Владимире, Александру дали Киев; по-видимому, в этом было предпочтение Александру, так как Киев был старше Владимира, но киевская земля была в те времена до такой степени опустошена и малолюдна, что Александр мог быть только по имени великим князем. Вероятно, монголы сообразили, что Александр, будучи умнее других, мог быть для них опасен, и потому, не испытавши его верности, не решились дать ему тогда Владимира, с которым соединялось действительное старейшинство над покоренными русскими землями.

Посещение монголов должно было многому научить Александра и во многом изменить его взгляды. Он познакомился близко с завоевателями Руси и понял, с какой стороны с ними ужиться возможно. Свирепые ко всему, что сопротивлялось им, монголы требовали одного — раболепного поклонения. Это было в их нравах и понятиях, как и вообще у азиат-

ских народов. Чрезвычайная сплоченность сил, безусловное повиновение старшим, совершенная безгласность отдельной личности и крайняя выносливость — вот качества, способствовавшие монголам совершать свои завоевания, качества, совершенно противоположные свойствам тогдашних русских, которые, будучи готовы защищать свою свободу и умирать за нее, еще не умели сплотиться для этой защиты. Чтобы ужиться теперь с непобедимыми завоевателями, оставалось и самим усвоить их качества. Это было тем удобнее, что монголы, требуя покорности и дани, считая себя вправе жить на счет побежденных, не думали насиловать ни их веры, ни их народности. Напротив, они оказывали какую-то философскую терпимость к вере и приемам жизни побежденных, но покорных народов. Поклоняясь единому Богу, с примесью грубейших суеверий, естественно свойственных варварскому состоянию умственного развития, они не только дозволяли свободное богослужение иноверцам, но и отзывались с известным уважением о всех верах вообще. Проницательный ум Александра, вероятно, понял также, что покорность завоевателю может доставить такие выгоды князьям, каких они не имели прежде.

До тех пор князья наши волею-неволею должны были разделять власть свою с народною властью веча или подбирать себе сторонников в рядах народа. Собственно, они были только правителями, а не владельцами, не вотчинниками, не государями. Монголы, как по своим понятиям, так и по расчету, естественно, усиливали власть и значение князей за счет веча: легче и удобнее им было вести дело с покорными князьями, чем с непостоянными собраниями веча. Вот отчего все русские князья, побивши челом хану, получали тогда свои княжения в вотчину, и власть их в большей части русских земель очень скоро подавила древнее вечевое право. Звание старейшего князя было прежде почти номинальным: его слушались только тогда, когда хотели, теперь же это звание вдруг получило особую важность, потому что старейшего сам хан назначал быть выше прочих князей.

Александр не поехал в данный ему Киев, а отправился в Новгород. Пока он не был старейшим, еще он ладил с новгородской вольностью. Новгородцы считали себя независимыми от татар, но через два года произошел на Руси переворот.

Андрей не удержался на владимирском княжении. Этот князь не мог так скоро изменить понятий и чувствований, свойственных прежнему русскому строю и шедших вразрез с потребностями новой политической жизни. Ему тяжело было сделаться рабом. В это время он женился на дочери Данила Галицкого, который еще не кланялся хану, не признал себя его данником и искал средств избавиться от этой тяжелой необходимости. Летописные известия об

этих событиях до того сбивчивы, что не дают нам возможности выявить, как и чем Андрей вооружил против себя победителей. Но известно, что в 1252 году Александр отправился в Волжскую Орду и там получил старейшинство и владимирское княжение от Сартака, управлявшего делами за дряхлостью отца своего Батя. Андрей, посоветовавшись со своими боярами, счел лучшим бежать в чужую землю, нежели «служить царю». Но татары уже шли на него под начальством Неврюя и других предводителей, догнали его под Переяславлем и разбили. Андрей убежал в Новгород, но там его не приняли; изгнанник через Псков и Колывань (Ревель) убежал с женою в Швецию. Татары опустошили Переяславль и рассеялись по земле, истребляя людей и жилища, уводя пленных и скот, так как по правилу монгольского, да и вообще как везде делалось в те времена, за вину князя должна была расплачиваться вся земля. В это время схвачена была и убита жена князя Ярослава Ярославича [16]. Александр, получив старейшинство, сел во Владимире, и на первый раз пришлось ему отстраивать церкви и людские жилища, разоренные полчищем Неврюя.

С этих пор Александр, чувствуя свое старейшинство и силу, готовый найти поддержку в Орде, поднял голову и иначе показал себя, что в особенности видно в его отношениях к Новгороду. Живя во Владимире, Александр поставил князем в Новгороде сына своего Василия [17]. В 1255 году новгородцы невзлюбили Василия и прогнали его, призвавши вместо него брата Александра Ярославича, князя тверского, жившего тогда во Пскове. Явление совершенно обычное, множество раз повторявшееся; и сам Александр, испытывая то же в былое время, уходил из Новгорода, когда его прогоняли, и опять являлся в Новгород по призыву и мирился с новгородцами. Но на этот раз Александр уже не спустил Великому Новгороду. Василий убежал в Торжок, где жители были за него. Отец тотчас собрал в своей владимирской земле рать и отправился в Торжок, с тем чтобы по своей воле опять восстановить сына на княжении. Призванный князь Ярослав убежал из Новгорода. Новгород остался без князя, и какой-то переветчик Ратишка дал об этом знать великому князю. Александр с Василием пошел на Новгород.

Между тем внутри Новгорода происходила безладница. Прорвалась не раз проявлявшаяся в его истории вражда лучших, или вящих людей, и меньших, иначе — бояр и черни. Посадником был тогда Аняния, представитель и любимец меньших людей, прямодушный ревнитель новгородской старины и вольности. Ожидая приближения великого князя, новгородцы вооружились и выставили полки за церковью Рождества и от Святого Ильи против Городища, ограждая Торговую (на правом берегу Волхова) сто-

рону, которая была главным образом местопребыванием меньших людей. Но некоторые вящие люди замыслили иное; из них составила партия под начальством Михалки Степановича, человека коварного и своекорыстного, смекнувшего, что наступают иные времена, и сообразившего, на чьей стороне сила. В тревоге собрались новгородцы на вече на обычном месте у Святого Николая (Дворищенского). «Братья, — говорили они между собою, — а что если князь скажет: выдайте моих врагов?» Тогда меньшие по прадедовскому обычаю «целовали Богородицу» на том, чтобы стоять всем на живот и на смерть за правду новгородскую, за свою отчину. Но Михалка, замышлявший убить Анянию и какими бы то ни было путями сделаться самому посадником, убежал со своими единомышленниками в Юрьев монастырь. Разнеслась весть, что вящие хотят напасть на Новгород и бить меньших. Новгородцы кричали, что нужно убить Михалку и ограбить его двор, но тут заступился за него посадник Аняния. Он послал предостеречь своего тайного врага и, когда рассвирепевшие новгородцы кричали: убить Михалку, Аняния сказал им: «Братья, если его убьете, убейте прежде меня».

Приехал в Новгород посол от Александра с такими словами: «Выдайте мне Анянию посадника, а не выдадите, я вам не князь: иду на город ратью!» Новгородцы послали к Александру владыку Далматта и тысяцкого Климата: «Князь, иди на свой стол, а злодеев не слушай: не гневайся на Анянию и на всех мужей новгородских».

Владыка и тысяцкий возвратились с отказом. Александр упорно добивался своего. Тогда новгородцы приговорили на вече: «Если князь такое задумал с нашими клятвopеступниками — пусть их судит Бог и Святая София, а на князя мы не кладем греха!» Все вооружились и три дня стояли наготове. Выдавать миром своих было для новгородцев неслыханным бесчестным делом. Александр рассудил, что раздражать далее народ и доводить дело до драки нет нужды, когда главная цель его может быть достигнута более мирным соглашением, и послал сказать новгородцам: «Я не буду держать на вас гнева; пусть только Аняния лишится посадничества».

Аняния лишился посадничества, и новгородцы примирились с Александром. Александр прибыл в Новгород и был радушно встречен народом, издавна знавшим его. Василий был восстановлен на княжении. Новгородцы в угодность Александру поставили посадником Михалку.

Это событие, несмотря на черты, слишком обычные в новгородском строе жизни, имело, однако, важное и новое значение в новгородской истории. Новгородцы выгоняли князей своих, иногда терпели от них и, забывая старое, опять приглашали, как, на-

пример, было с Ярославом, отцом Александра, но то делалось по новгородской воле, при обычном непостоянстве новгородцев. Не было еще примера, чтобы великий князь силою заставил принять только что изгнанного ими князя. Александр показал новгородцам, что над их судьбою есть внешняя сила, повыше их веча и их партий, — сила власти старейшего князя всей Руси, поставленного волею могущественных иноземных завоевателей и владык русской земли. Правда, что Александр, вступивши в Новгород, обласкал новгородцев, заключил с ними мир на всей вольности новгородской, но в проявлении его могучей воли слышались уже предвестники дальнейшего наложения на Новгород великокняжеской руки.

Через несколько времени Новгород увидал в своих стенах того же Александра, уже не так мирно улаживающего свои недоумения с новгородской вольностью. В Орде произошел переворот: Батый умер. Сын его Сартак был умерщвлен дядею Берке [18], объявившим себя ханом. Последний вверил дела Руси своему наместнику Улагчи. Тогда пришла весть, что хан посылает своих чиновников для переписи народа и собирания дани. Александр поспешил в Орду, думая предотвратить грядущие бедствия: русских страшил не самый платеж дани; они покорялись необходимости платить ее через своих князей, но долгое пребывание татар в земле русской наводило всеобщий страх. Александр не успел умиловить хана. В землю рязанскую, муромскую и суздальскую явились татарские численники, ставили своих десятников, сотников, тысячников, темников, переписывали жителей для обложения их поголовною данью, не включали в перепись только духовных лиц. Вводилось, таким образом, чуждое управление внутри Руси. Народу было очень тяжело. В следующем 1257 году Александр вновь отправился в Орду с братьями своими, Ярославом тверским и суздальским Андреем, с которыми, недавно не ладивши, помирился. Улагчи требовал, чтобы Новгород также подвергся переписи и платежу дани. Как ни близок был Александру Новгород, но он счел за лучшее покориться. Между тем в Новгород уже достигла весть о том, что туда идут татарские численники. Все лето там была тревога и смятение. Новгород не был до сих пор покорен, подобно прочим русским землям, татарским оружием и не помышлял, чтобы ему добровольно пришлось платить постыдную дань, наравне с покоренными. Вящие люди, и в том числе посадник Михалка, готовые угождать силе для своих выгод и сохранения своих богатств, уговаривали новгородцев покориться, но меньшие слышать об этом не хотели. Их любимец Анания скончался в августе. Волнение после его смерти усилилось, и, наконец, ненавистный для меньших, насильно поставленный против их воли Михалка был убит. Князь Василий разделял

Александр Невский.

Худ. В. М. Васнецов.

Эскиз росписи Владимирского собора в Киеве

чувства новгородцев. Наконец, прибыл в Новгород Александр с татарскими послами требовать десятины и тамги [19]. Василий, с одной стороны, не смел противиться отцу, с другой — стыдился изменить новгородскому делу и бежал во Псков. Новгородцы наотрез отказались платить дань, но ласково приняли ханских послов и отпустили домой с честью и дарами. Этим Великий Новгород заявлял, что он относится с уважением к ханской власти, но не признает ее над собою. Тогда Александр выгнал своего сына из Пскова и отправил на суздальскую землю, а некоторых новгородских бояр, стоявших заодно с меньшими и имевших, по его мнению, влияние на Василия, схватил и наказал бесчеловечным образом: иным обрезал носы, другим выколол глаза и т. п.

Такова была награда, какую получили эти защитники новгородской независимости в угоду поработителям от того самого князя, который некогда так блистательно защищал независимость Новгорода от других врагов.

Зимой (с 1258 на 1259 год) прибыл с низу Михайло Пинецинич и объявил новгородцам, что ханские полки идут на Новгород и будут добывать его оружием, если новгородцы не согласятся на перепись. Весть эта была несправедлива, но правдоподобна. Само собою разумеется, что хан не согласился бы удовлетворяться дарами. Весть эта нагнала такой страх, что с первого раза новгородцы согласились. Вероятно, об этом было дано знать в Орду, потому что тою же зимою прибыли в Новгород ханские чиновники Беркай и Касачик с женами и множество татар. Они остановились на Городище* и стали собирать тамгу по волости. Новгородцы, увидя необычное зрелище, снова возмутились. Бояре, наблюдая свои корыстные цели, уговаривали народ смириться и быть покорным, но меньшие собирались у Святой Софии и кричали: «Умрем честно за Святую Софию и дома ангельские». Тогда татары стали бояться за свою жизнь, и Александр приставил посадничьего сына и боярских детей стеречь их по ночам. Такое положение скоро наскучило татарам, и они объявили решительно: «Давайте нам число, или мы побежим прочь». Вящие люди стали домогаться уступки. Тогда в Новгороде распространилась молва, что вящие хотят вместе с татарами напасть на Новгород. Толпы народа собирались на Софийской стороне [20] поближе к Святой Софии и кричали: «Положим головы у Святой Софии». Наконец, на другой день Александр выехал из Городища с татарами. Тогда вящие люди убедили наконец меньших не противиться и не навлекать на Новгород неминуемой беды. «Они, — говорит летописец, — себе делали добро, а меньшим людям зло: дань одинаково рас-

пределялась как на богатых, так и на бедных!» Александр прибыл в город с татарами. Ханские чиновники ездили по улицам, переписывали дворы и, сделав свое дело, удалились. Александр посадил на княжение сына своего Дмитрия [21] и уехал во Владимир.

С тех пор Новгород, хотя не видал после у себя татарских чиновников, но участвовал в платеже дани, доставляемой великими князьями хану от всей Руси. Эта повинность удерживала Новгород в связи с прочими русскими землями.

Но не в одном Новгороде — и в покоренных русских землях прежние свободные привычки не вынесли еще рабства и утеснения. Монгольскую дань взяли тогда на откуп хивинские купцы, носившие название «бесермен» — люди магометанской веры. Способ сбора дани был очень тягостителен. В случае недоимок откупщики насчитывали большие проценты, а при совершенной невозможности платить брали людей в неволю. Кроме того, они раздражали народ неуважением к христианской вере. Народ вскоре пришел в ожесточение; в городах Владимире, Суздале, Ростове, Переяславле, Ярославле и других по старому обычаю зазвонили на вече и по народному решению перебили откупщиков дани. В числе их в Ярославле был один природный русский по имени Изосим. Прежде он был монах, пьяный и развратный, съездивши в Орду, принял там магометанство и, воротившись в отечество, сделался откупщиком дани, воротившись в отечество, сделался откупщиком дани, и нагло ругался над святынею христианской церкви. Ярославцы убили его и бросили труп на растерзание собакам и воронам. Зато в Устюге один природный татарин, будучи также сборщиком дани, спасся от общей беды. Его звали Буга. В Устюге он взял себе наложницу, дочь одного тамошнего обывателя, по имени Мария, которая полюбила его и заранее известила о грозившей ему опасности. Буга изъявил желание креститься. Народ простил его. Он был назван в крещении Иоанном, женился на Марии, навсегда остался на Руси и приобрел всеобщую любовь. Память его осталась навсегда в местных преданиях, а воспоминание о бесерменах до сих пор слышится в бранном слове «басурман», которым русский человек называл некрещеных, а иногда только неправославных людей.

Само собою разумеется, что это событие возбудило гнев властителей Руси. В Орде уже собирали полки наказывать мятежников; Александр поспешил в Орду. Кроме сбора дани, русским угрожала еще иная тягость — помогать войском татарам в их войнах с другими народами.

Тогда в Волжской Орде происходило важное преобразование. Хан Берке принял магометанство, ко-

* В 2,5 верстах от Новгорода, где по преданию был город прежде Новгорода.

Великий князь Александр Ярославич Невский.

Худ. В. П. Верещагин

торое быстро распространилось в его народе, тем легче, что и прежде в полчищах монголов большинство народов, им покоренных и за них воевавших, исповедывало магометанство. В то же время кочевая жизнь мало-помалу начала сменяться оседлою. На Волге строился Кипчак [22], обширный город, который хан украшал всем великолепием, какое только было возможно при его могуществе. Хан Берке оказался более милостив к русским, чем можно было даже ожидать. Он не только простил русским избиение бесерменов (которых погибель, как народа подвластного, не могла раздражать его в той мере, в какой подействовало бы на него избиение ханских чиновников), но по просьбе Александра освободил русских от обязанности идти на войну. Александр, однако, прожил тогда в Орде всю зиму и лето, и это заставляет предполагать, что не сразу удалось ему приобрести такую милость для своих соотечественников. Возвращаясь оттуда по Волге больным, он остановился в Нижнем Новгороде,

через силу продолжал путь далее, но, приехав в Городец, окончательно слег и, приняв схиму [23], скончался 14 ноября 1263 года. Тело его встречено народом близ Боголюбова и было похоронено во Владимире в церкви Рождества Богородицы. Говорят, что митрополит Кирилл, услышавши во Владимире о смерти Александра, громко сказал: «Зашло солнце земли русской». Духовенство более всего уважало и ценило этого князя. Его угодливость хану, умение ладить с ним, твердое намерение держать Русь в повиновении завоевателям и тем самым отклонять от русского народа бедствия и разорения, которые постигали бы его при всякой попытке к освобождению и независимости, — все это вполне согласовалось с учением, всегда проповедуемым православными пастырями: считать целью нашей жизни загробный мир, безропотно терпеть всякие несправедливости и угнетения, покоряться всякой власти, хотя бы иноплеменной и поневоле признаваемой.